

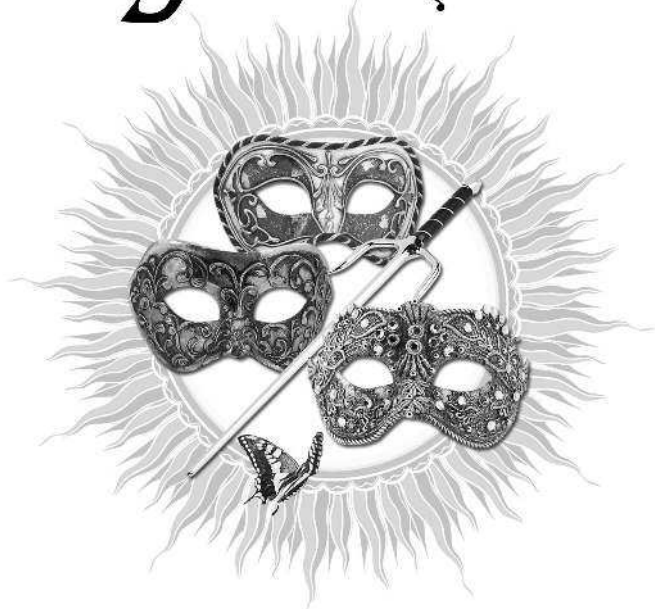
детектив

ПОЗИТИВ

Татьяна
Оуганцева

SOS для любви,
или Семь пятниц
на неделе

Москва

2016

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Л83

Оформление серии *Н. Никоновой*

Луганцева, Татьяна Игоревна.

Л83   **SOS для любви, или Семь пятниц на неделе :**
роман / Татьяна Луганцева. — Москва : Изда-
тельство «Э», 2016. — 320 с. — (Детектив-пози-
тив. Романы Т. Луганцевой, Н. Александровой).

ISBN 978-5-699-71880-1

Груня Пичугина никогда не была за границей. И вдруг режиссер театра, где она работает художником-декоратором, буквально вынуждает ее лететь в Будапешт. Присутствие Аграфены в Венгрии оговорено контрактом — владелец венгерского театра Марк Тарасов намерен заказать ей портреты своих «бабушки с дедушкой». Чего не сделаешь для родного коллектива? Но на месте театральную труппу и Груню встречает... катафалк. Оказывается, Марк Тарасов недавно скончался. Зато ведет катафалк красавец-мужчина Вилли, и Аграфена глаз от него отвести не в состоянии. Тут события начинают развиваться с необыкновенной скоростью — на Вилли с завидной регулярностью происходят покушения. Однако Груня, естественно, совершенно случайно, но с той же регулярностью оказывается рядом и спасает загадочного красавца...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Луганцева Т. И., 2016
© Оформление. ООО «Издательство
«Э», 2016

ISBN 978-5-699-71880-1

ГЛАВА 1

Весьма привлекательная шатенка средних лет выключила телевизор и отшвырнула пульт в сторону, на большой мягкий диван. На лице ее прочно закрепилось недовольное выражение.

— Что у нас за телевидение? Что за передачи, особенно днем? Чушь какая-то, хоть вообще не включай. Люди судятся друг с другом, устраивают разборки, совершенно не стараясь договориться о чем-либо, а только втаптывая собеседника в грязь. Да еще сериалы с пластмассовыми актерами, которых находят, кажется, на улице, в очереди возле гастронома.

— И правда, лучше и вовсе ящик не включать, — поддержала ее другая женщина, со светлыми волосами и большими голубыми грустными глазами. — А новости? Ты забыла еще о новостях каждый час по всем каналам. Вот когда мы слышали что-нибудь хорошее? Наоборот! Тут убили, там изнасиловали, здесь упал самолет или сняли с поста «оборотня в погонах»... При этом все понимают, что убивают каждый день, насилуют тоже и что добрая сотня других «оборотней в погонах» осталась сидеть на своих местах.

Блондинку звали Аграфена Романовна Пичу-

гина. «Радость» по поводу имени «Аграфена» она, конечно, высказала родственникам, едва только подросла, но все же пришлось смириться и жить дальше, слыша в свой адрес то Груша, то Груня. А подруга Алиса, с которой мадам Пичугина разговаривала в данный момент, пошла еще дальше — называла ее «Гру» или «Ня», совсем уж сокращенно, иногда почему-то «Нафаня».

Дружили они уже тридцать четыре года, познакомившись в детском садике, и понимали друг друга не то чтобы с полуслова или полувзгляда, а с полувздоха. Груша была полностью согласна с известным философским замечанием, которое гласит: «Подруга — это та сестра, которую мы выбираем сами». В общем, они были, что называется, не разлей вода, вплоть до совпадения биополей, до взаимной привязанности и любви и до настоящей женской дружбы. А в том, что последняя существует, Аграфена даже не сомневалась, считая, что дело не в половом признаке, а исключительно в порядочности людей, будь то мужчина или женщина. И всегда очень ценила, что рядом с ней идет по жизни человек, на которого можно положиться, как на самое себя. Короче, с подругой Аграфене повезло.

Ровно так же думала и Алиса, в этом у них тоже было полное взаимопонимание.

— Мне еще очень нравятся новости, идущие под лозунгом «Никакой политики!», — продолжила разговор Алиса. — Мол, ребята, у нас сплошной позитив, все к нам, эге-гей! В итоге улыбающийся ведущий сообщает с экрана, что в такой-то школе ученики избili учителя, а до-

верчивые пенсионеры снова стали жертвой мошенников. Вот так позитивчик! И все это подается с очаровательной миной на лице, украшенном незатуманенными умом глазами. И не придется — действительно обходятся без политики. Только толку-то что? Все равно вгоняют в депрессию.

— Уговорила, новости тоже смотреть не будем, — улыбнулась Груня.

— И сериалы снимают непонятно о чем. Ерунда полная, ничего жизненного и такого, что могло бы чему-то научить. Лучше бы про твою жизнь сняли сериал. Это был бы сериалище! Женщины бы рыдали! — высказалась Алиса.

Аграфене трудно было с подругой не согласиться.

Ее воспитывала мать, женщина очень добрая, а если точнее — безвольная и мягкотелая. Поэтому она всегда, что хотела, то и делала. А в подростковом возрасте и давно показала всю «прыть». Где-то в душе Груня ждала, что мама приструнит ее, одернет и вернет на землю, но родительница только разводила руками, показывая свою полную беспомощность. Возможно, Груне не хватало отца. Вот она и ушла из дома, протестуя, в поисках твердой руки и твердого плеча. На ее беду, «твердым плечом» оказался семнадцатилетний хулиган Олег, вечно ходивший с дешевой папироской, зажатой в углу рта и источавшей жуткий запах, да сутками бездарно брэнчавший на расстроенной гитаре.

Родители парня нещадно пили и даже не заметили, что сын привел в свою комнату девочку с

улицы. Единственным, что сказала его мать с опухшим, одутловатым лицом, когда Груня вышла утром из комнаты Олега, «где все и случилось», сконцентрировав на юной незнакомке мутный взгляд, было:

— О, деваха... Прикольнo! Сгоняй-ка за пивком...

Приходившие в дом гости, местные алкаши, напивались вместе с хозяевами дешевого пойла, и их частенько выворачивало прямо где придется. Поэтому когда Грушу стало тошнить по утрам, она по детской наивности подумала, что заразилась от них «рвотным вирусом». Через какое-то время непросыхающая свекровь второй раз посмотрела на Грушу — опять с утра, после принятия «живительной влаги», то есть пива, — и спросила:

— Олежек, сынок, а твоя дурочка не понесла? Не хватает нам лишнего рта и головной боли! Эх, балбесы вы бестолковые...

— Чего несла? — огрызнулся сын, который тоже уже прикладывался к пиву и вечером, и утром, и днем.

— Не беременная, говорю, деваха-то твоя? Ей сколько лет, идиот? Это ж статья! Вот горе мне, горе! Сразу говорю, никаких передач в тюрьгу от меня не дождешься!

Олег, сообразив наконец, о чем идет речь, изрядно струхнул. А когда выяснилось, что мамаша права, ударился в бега.

Грушу выбросили на улицу, и она попала в социальный приют для бездомных несовершеннолетних как подвергшаяся сексуальному насилию

и к тому же беременная. Там с ней поговорили, оказали помощь и сообщили матери. Родительница пришла за своей блудной дочерью сразу же, как только узнала о ее местонахождении и положении. Груша вернулась домой и в пятнадцать лет сама стала мамой — других вариантов для нее не было. Олега она больше никогда не видела, да и не хотела видеть.

Кошмар вернулся к Груне (мамы ее к тому времени уже не было) пятнадцать лет спустя, когда ее дочь повторила ту же ошибку с одним лишь отличием — она забеременела от мальчика из приличной семьи. Игорь не собирался никуда сбегать, а хотел жениться на Олесе. Влюбленные расписались. Но через год разбились на машине, подаренной родителями жениха на его восемнадцатилетие.

Хрупкий мир Груши в одночасье разлетелся на мелкие осколки. Тогда-то к ней и пришла пожилая, с серым от горя лицом женщина — Серафима Ильинична, мама погибшего Игоря (отца же его разбил инсульт, мужчина не перенес трагедии и стал глубоким инвалидом).

— Ну, здравствуй.

— Здравствуйте, — разлепила белые губы Груня.

— Сколько тебе лет?

— Тридцать два.

— Господи, совсем молодая, у тебя все еще может быть.

— Не смейте такое говорить! Я не хочу ничего!

— Помолчи и успокойся, — прервала ее Серафима Ильинична. — Да, мы чужие друг другу люди, но нас свела судьба благодаря нашим детям, а

теперь соединило горе. Ты родила рано, а я поздно. Кроме Игорька, у меня тоже других детей нет, только мне на двадцать лет больше, чем тебе, у меня муж инвалид и больное сердце. И единственное, что меня еще держит на этом свете, — внучка. Ей всего годик, и ей нужна семья! Ребенок не может ждать, когда ты придешь в себя после пережитого, Анюту могут забрать от нас в детский дом.

Слова Серафимы Ильиничны произвели на сознание Груши эффект разорвавшейся бомбы, эффект ледяного дождя на горячее тело. Нет, она помнила, что у нее есть внучка, которая осталась с родителями мужа дочери, но не могла, не хотела ничего и никого видеть, полностью растворившись в своем горе.

А дальше случилось невероятное. Они с Серафимой Ильиничной объединились в семью ради маленькой девочки. Груша переехала жить в трехкомнатную квартиру родителей Игоря и удочерила Анну. Серафима и ее муж Григорий Алексеевич стали для крошки дедушкой и бабушкой, что подходило им по возрасту и по ощущениям.

— Теперь у нашей Ани почти полный семейный комплект, — радовалась мудрая женщина Серафима Ильинична. — Хотя я буду тебя немного ревновать к нашему ангелочку, но зато смогу баловать, как все бабушки. А когда малышка вырастет, мы расскажем ей о ее родителях, своих юных детях, которые так трагично рано ушли из жизни.

В такой вот мирной, дружной и любящей семье они и существовали уже пять лет. Именно

эту, не совсем стандартную, вернее, необычную ситуацию имела в виду Алиса, говоря о том, что судьба ее подруги Груши «похлеще, чем в сериалах». Жили они более чем скромно. Григорий Алексеевич так и остался парализованным, говорил плохо. Он требовал ухода по болезни, Анютка требовала ухода в силу возраста, поэтому Серафима Ильинична ушла с работы, не дослужив до пенсии два года. Именно на ней лежала забота о двух нуждающихся в ее помощи людях. А на плечи Груни легла нелегкая доля кормилицы, добытчицы средств для себя и еще троих человек, ставших ей очень близкими.

Вот только прыгнуть выше головы она не могла, поскольку зарабатывала не слишком много. Понятно ведь, оклад художника-декоратора при небольшом Доме культуры отнюдь не миллионный. Иногда ее приглашали для оформления каких-то шоу в ночных клубах или помощником именитого художника. Но помощник всегда получал как помощник, львиную долю гонорара забирал мастер, однако Аграфена всегда была рада любому приработку. Она бралась за все, а вечерами еще и писала картины маслом на всевозможные темы. Для души — пейзажи, по заказу — портреты, на потребу толпе даже сюжеты с эротическим уклоном. В общем, на жизнь хватало. Хватало на дорогие лекарства для бабушки, на оплату коммунальных услуг, на бензин для старенького «Сааба», на ежегодный отдых в Крыму и еще кое на какие мелочи.

Внешне Груша была очень красивая женщина — среднего роста, с прекрасными светлыми

волосами, яркими глазами и стройной фигурой. Толстеть ей было некогда, она все время была в движении, постоянно в заботах, в бегах, порой и присесть некогда бывало. Естественно, и задуматься о себе было недосуг. Одевалась она очень нестандартно, как художницы, сочетая совершенно несочетаемые, казалось бы, вещи и смешивая яркие цвета, носила крупную бижутерию (друзья ей часто дарили такие вещи), могла ярко накраситься и при этом не выглядела вульгарно. Аграфена была очень добрым человеком, все время старалась помочь другим людям, но при этом бывала резковата и прямолинейна в общении, всегда говорила правду в глаза.

И вот однажды сидели они за кухонным столом с Серафимой Ильиничной в двенадцатом часу ночи и беседовали на тему, о которой Груня не думала много лет.

— Почему так поздно? — спросила Серафима, накладывая ей винегрета и ставя разогревать в микроволновку тарелку с ужином. — Ты прямо уже как тень отца Гамлета домой притаскиваешься...

— Гример в театре заболел, меня попросили подменить. Как я уйду? Я же — единственный художник.

— Театр! — фыркнула Серафима. — Твоего мистера Колобкова-неудачника? Что это за театр? Я понимаю, если бы ты работала в Большом!

— Чего захотела, в Большом... Там свои люди, туда абсолютно не пробиться без связей и блата. Я вот сколько работаю, заняла свою нишу, но без

связей на приличное и хорошо оплачиваемое место не устроишься.

— Ты прекрасный художник. Это даже не мое мнение, а авторитетных людей, я слышала, как они говорили. — Серафима налила Груне домашнего компота. — Сама-то я в живописи ничего не понимаю, но и мне нравятся твои картины. Только вот в последнее время...

— Что?

— Они у тебя стали темнее, мрачнее, что ли. По краскам видно. Интересно почему?

— Да? — удивилась Груша. — Я как-то не замечала. Но взгляд со стороны всегда свежее. Я подумаю, в чем причина таких перемен.

— А чего тут думать? Я тебе со свежим взглядом на этот вопрос отвечу. Ты же на грани нервного срыва! Посмотри на себя — кожа да кости, одни глаза, смотреть страшно! Скоро падать начнешь, твои громадные украшения притянут тебя к полу. Ты, Груша, просто-таки загнала себя в угол: работа, работа, заказы, заказы...

— А как же? Как будто тебе легко, — вздохнула Аграфена, вяло ковыряя вилкой винегрет в своей тарелке.

— Я — другое дело. И не обо мне речь. Посмотри, ты сидишь уже десять минут за столом, а съела один квадратик свеклы и две горошинки. И это за целый день! Дивно, ничего не скажешь. Кофе по сто чашек и одна сплошная работа! Разве так должна жить женщина в твоём возрасте? Ты мне в дочери годишься, ты же еще совсем молодая! Где твоя личная жизнь? — задала вопрос в лоб Серафима Ильинична.

Аграфена поморщилась и пожала плечами:

— Зачем ты об этом? Я сама себе не задаю такой вопрос, и не хотелось бы его слышать от тебя.

— А я тебе не чужой человек и болею за тебя всей душой! Переживаю за тебя! Я хочу, чтобы у моей внучки была счастливая мать! Кто еще тебя встряхнет, если не я? Ты же получила исключительно отрицательный опыт и эмоции. Ну, ладно, глупой девчонкой, когда не понимала ничего, забеременела, родила. А потом...

— Потом у меня появился ребенок, стало не до личной жизни. Период дискотек у меня прошел под флагом пеленок. Позже пыталась построить карьеру, но не очень продвинулась на этом поприще. Хотя тут, наверное, не моя вина. Честное слово, я старалась.

— Это и я подтверждаю, — согласилась Серафима Ильинична.

— Худо-бедно, но мы с дочкой как-то существовали. А затем... Затем Анечка у меня, вернее, у нас появилась. И снова пришлось работать, чтобы нас всех содержать. Знаешь, Серафима, как-то не было у меня никогда возможности заняться собой. Может, такова вообще моя судьба?

— Ужас, что ты говоришь! Все это очень плохо! Ты никогда не была замужем, не была любима и не любила по-настоящему. Трагедия, которая в нашей семье произошла, чудовищна, но раз уж ты осталась жить, то ты должна жить полноценно!

— В твоих устах это звучит сродни тому, что я должна иметь мужчину.

— А разве нет? Наоборот, в твоем возрасте не

иметь мужчину ненормально. Да, у тебя была психологическая травма, но она уже переросла в болезнь, а ее надо лечить, — настаивала Серафима.

— Ну, не знаю. Просто я как-то их, мужчин, и не видела. И не вижу. Поэтому вопрос это тупиковый для меня, — вздохнула Груня, заставляя себя хоть что-то положить в желудок, чтобы не обидеть Серафиму.

— Вокруг же люди! — возразила та.

— Вроде да. Даже много людей.

— И среди них много мужчин, — справедливо отметила Серафима Ильинична.

Груня задумалась.

Если честно, актеров она вообще не рассматривала как мужчин. Многие из них были либо какие-то пафосные, либо бабники, а еще отверженные к вредным привычкам да с тяжелыми характерами, у которых все зависит от настроения. На ее глазах творились какие-то мелкие шашни, перераставшие в склоки, и даже ради великого таланта она не связала бы свою жизнь с актером. Люди из художественной среды тоже весьма своеобразны, Аграфена общалась с ними как с друзьями, коллегами, не более того. К тому же и у актеров, и у художников жены часто менялись, а она не хотела становиться одной из многих. Бывали в ее жизни совсем уж омерзительные моменты, когда пара-тройка мужей подруг тянули к ней потные руки, бормоча: «Чего ломаешься? Жена ничего не узнает!» От таких, обычно дышащих перегаром, героев-любовников она старалась держаться подальше.

Еще Груша общалась со своим начальником,